Никаких колебаний

На большинстве крупнейших предприятий Владивостока состоялись небывало многолюдные митинги, которые приняли меморандум правительству Союза Советских Социалистических Республик. Этот меморандум был вручен агенту НКИД для срочной передачи в Москву.

Митинги прошли [illegible] сдушевлением. Спокойно и уверенно с пролетарской решительностью и выдержкой рабочие, оценивая всю сложность и напряженность текущего момента, обратились к правительству с требованием принять самые категорические мероприятия для ликвидации бесчинства китайской реакции. Доклады о текущих событиях на КВжд заслушиваются с напряженным вниманием. Владивостокский пролетариат оценивает всю важность и ответственность момента. Ни одной демагогической фразы, ни одного залихватского жеста. Сегодня слова, а завтра быть может—действия. Ответственность момента не вызывает никаких колебаний.

Меморандум Владивостокских рабочих Советскому правительству всюду принимался под продолжительные аплодисменты. Рабочие завода «Океан» встретили меморандум пением «Интернационала». Рабочие госмельницы № 1 встретили меморандум громовыми аплодисментами.

Дальзаводцы сказали...

Гуд Дальзавода распознается издалека и всегда без ошибки: металлическая симфония.

Около 2½ тысяч людей — гарнизон этой крепости, этого форпоста советской индустрии на Тихом океане.

Оркестры электрических сверл, вспарывающих сталь, чугун, железо. Невероятные барабаны большого цеха, котлы Шухова... Визг, лязг станков в гигантском механическом корпусе.

Люди скрыты машинами — словно дети в стальном лесу. И только когда главный гудок крикнет свое оглушительное —

— Ау...

Тогда к главным воротам текут покрытые копотью, усталые, потные бойцы труда.

И вот тут-то, у выходных больших ворот — всего надежнее проверка их пролетарской сплоченности, их революционного энтузиазма.

Мысли идущих с работы заняты многим: обед, отдых, семья, вечер. Не стоит соваться к ним у ворот с пустяками.

В любой, обыденный день они прошли бы мимо назойливого, не к месту оратора. Но так, только мимо того, кто с пустяками.

А в этот день завидев вдали у ворот ожидавших их несколько товарищей, чутьем почуяли вереницы рабочих, что пройти мимо нельзя.

— Неспроста ждут... С делом... С важным...

Замедлив шаг, сбились толпы, как вода у плотины, тесным кольцом сдавив ожидавших.

Быстро сгрудилось полторы тысячи... Куда там... больше полутора.

— Товарищи пролетарии Дальзавода. Мы сегодня говорим о военной опасности. Вся советская страна услышит ваши сегодняшние слова. Наглые харбинские милитаристы тоже должны услышать то, что вы скажите сейчас полуторатысячным голосом коллектива.

Тишина... Даже кашель загнан обратно.

— Ме-мо-ран-дум!

Не все знают, что это значит. Человек в копоти, только что сдавший свой молот смене, не обязан быть энциклопедией. Но смысл угадан.

— Обращение к правительству СССР.

Текст меморандума уже известен всему Владивостоку. Текст этот сейчас уже прочтен и в московском Кремле. Можем надеяться, что ознакомились с ним даже и в Харбине.

Ибо он, этот текст, есть прямое дополнение к ноте т. Карахана. Подкрепление. Точка над и.

Дни, подобные сегодняшнему, любое перо способно наполнить могучей силой вдохновенного лаконизма.